

63.0
Т66

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Могилевский государственный университет им.А.А.Кулешова

Я.И. Трещенок

ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Учебное пособие
для студентов исторического факультета

Могилев 1999

Электронный архив библиотеки МГУ им. А.А. Кулешова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Методология истории расположена на грани собственно историографии, как историописания, и философии. В первом приближении эту дисциплину можно определить как теорию исторического познания. Но эта дисциплина не умозрительная, а прикладная, это теоретическое осмысление практической деятельности, направленной на познание прошлого, т.е. это в известном смысле руководство к действию для историка-исследователя. Однако, если мы обратимся к существующим программам и пособиям по методологии истории, то обнаружим, что в них преобладает чисто умозрительный, спекулятивный материал, сочетание отвлеченных рассуждений и отрывочных сведений по истории различных философских систем. Все это, может быть, и представляет определенный интерес в рамках истории философии, но к практике исторического исследования прямого отношения не имеет. Руководства же по источниковедению и другим вспомогательным историческим дисциплинам излагают конкретные технические приемы работы с источниками, но не раскрывают принципов самой организации фактического материала, реконструкции исторического контекста, т.е. собственно методологии исторического познания. (Да это, собственно, и не входит в их задачу). Итак, то, что называют методологией, витает в облаках абстракции, руководства по источниковедению эмпирически приземлены. Ниша собственно прикладной методологии фактически остается незаполненной. (Если не считать давно превратившихся в раритеты, устаревших пособий ещё дореволюционных исследователей – А.С. Лаппо-Данилевского, В.О. Ключевского, Р.Ю. Виппера и др. Малодоступных и не вполне подходящих к нашим условиям зарубежных пособий мы здесь не касаемся). Такое положение во многом объясняется идеологизированностью исторической науки советского периода, зажатой в оковы директивных идеологических схем и предписаний, малейшее отступление от которых не допускалось и было, как говорится, «чревато» для авторов. Преодоление таких, вопевших в плоть и кровь научных работников, подходов оказывается делом очень непростым и нелегким. Ибо на смену псевдомарксистским догмам приходит чаще всего не свободное мышление, а те же догмы, только с обратным знаком...

Автор не столь самоуверен, чтобы претендовать на всестороннее решение столь серьезной задачи. Дай Бог хотя бы наметить подходы к такому решению. Пособие выросло из небольшого цикла лекций по методологии исторического познания, читаемых ряд лет для группы бакалавров исторического факультета МГПИ им. А. Кулешова (ныне Могилевского госуниверситета им. А. Кулешова), и в целом сохраняет структуру спецкурса.

Еще несколько предварительных замечаний, необходимых для восприятия предлагаемого текста. Автор не считает возможным делить методологию истории на «материалистическую» и «идеалистическую», как мы привыкли классифицировать философские течения. В данном контексте, мы считаем материалистическими подходы, имеющие в основе материальное бытие общества, это подходы к изучению прежде всего материальных социально-экономических процессов, а идеалистическими – идущие от сознания, духовной жизни. В практике конкретных исследований, независимо от философских убеждений исследователя, оба подхода всегда сочетаются и взаимодополняют друг друга.

Некоторые убежденный материалист В.И. Ленин справедливо писал, что любой ученый, исследующий материальные процессы, независимо от своих личных убеждений становится «стихийным материалистом». В этом Ленин видел торжество именно материалистических убеждений. Но ленинскую мысль можно продолжить – всякий ученый, изучающий духовные процессы, точно так же становится «стихийным идеалистом». В том числе и сам Владимир Ильич. Например, в одном из основополагающих своих трудов, блестяще написанной книге «Что делать?», он констатирует, что материальное бытие промышленных рабочих само по себе вовсе не порождает классовой пролетарской идеологии, что такая идеология рождается в сознании интеллигентов, а затем привносится в рабочее движение. Вот такой «материализм». И таких примеров можно привести сколько угодно много.

И ещё. В задачу автора не входит освещение истории гносеологических подходов разных философских систем, как таковых, это предмет собственно истории философии, к изложениям какой мы и адресуем интересующегося этой проблемой читателя. Историко-философский материал привлекается нами лишь в случаях, имеющих непосредственное отношение к формулировке философских принципов практического исторического познания.

Итак, целью настоящего пособия является помочь начинающему историку включиться в конкретную практику исторического исследования, научиться понимать и адекватно оценивать существующую научную историческую литературу, и избегать при этом типичных методологических ошибок, неизбежно приводящих к отступлению от исторической истины.

Как гласит древнее изречение: сделал, как смог, кто может, пусть сделает лучше.

1. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1. Понятийный аппарат методологии исторического познания, методология и философия

Прежде, чем пытаться разъяснить основы любой научной дисциплины, её предмет, задачи, структуру и т.д., следует дать по возможности четкое и непротиворечивое – насколько это допускает сам предмет – определение её основных понятий. Английский философ Томас Гоббс еще в XVII веке справедливо утверждал, что люди совершали бы неизмеримо меньше ошибок в общении, если бы предварительно договорились о смысле употребляемых ими слов. Итак, сначала попробуем договориться о словах, о той терминологии, которой мы будем оперировать.

Термин «методология» составлен из двух греческих слов: «методос» – исследование и «логос» – слово, понятие, мысль, разум, и означает буквально «учение о методах». Под методом современная наука понимает совокупность (систему) правил и критериев, обеспечивающих и регулирующих определенный вид деятельности. В данном случае мы будем говорить о деятельности, направленной на историческое познание.

Таким образом, в узком смысле слова историческая методология есть специальная научная дисциплина, исследующая методы исторического познания.

Подчеркнем, речь идет об историческом познании, а не только об историческом исследовании. Первое шире второго. Историческое исследование означает установление объективных исторических фактов и эмпирических связей между ними, познание, кроме того, ещё и теоретическое – философское и практическое их осмысление, проявление их скрытой от эмпирического наблюдения сущности, наконец, их эмоционально-ценностное переживание. Если собственно исследование прошлого занимается историческая наука, то его осмыслением – философия истории, а, кроме того, еще и религия, и искусство, и социальная антропология (теория и история ментальностей – практически неосознаваемых стереотипов поведения, мышления и эмоциональных реакций). Все эти аспекты познания находятся в сложном взаимодействии между собой. Историография (как историописание) исследует прежде всего первоисточники, философия истории, искусство и т.д. – вторичные тексты, в контексте всей культурной традиции, в которую встроена исследуемая историческая реальность. Конечно, полностью разграничить эти аспекты невозможно. Для того чтобы успешно решать свои задачи, историк должен владеть основами философии и шире – основами отечественной и мировой культуры, а философ обладать неким минимумом выверенных исторических знаний. Тем не менее у каждого из этих специалистов существует свой угол зрения на реальность.

Теорию познания, как область философии, осмысливающую сам процесс познания реальности (и научного, и философского, и художественного), принято обозначать термином «гносеология» (от гр. «гнозис» – познание и «логос» – буквально «учение о познании»). Область гносеологии, посвященную только научному познанию, обозначают термином «эпистемология» (от греч. «эпистема» – знание, буквально «учение о знании»). В соответствии с этим мы будем

говорить об исторической эпистемологии как об общей теории научного исторического познания.

Как видим, оба термина – гносеология и эпистемология – достаточно близки по смыслу, различаясь лишь объемом содержания. До сих пор не выработано четких общепринятых подходов к их употреблению – большинство авторов разграничивают их в указанном нами смысле, но некоторые употребляют их как синонимы. С подобной терминологической путаницей мы будем сталкиваться и в дальнейшем. Во всяком случае, с самого начала следует твердо усвоить – эпистемология, как ядро исторической методологии, имеет своим объектом знания о прошлом, а не историческую реальность как таковую. В этом разногласий между исследователями нет.

По мнению многих исследователей, разделяемом и нами, в историческом познании Нового времени можно выделить три большие отрасли:

- эмпирическую историографию – содержание и основу собственно исторической науки, создаваемой в ходе исследования исторических источников;
- историческую эпистемологию – теоретическое осмысление процесса научного исторического познания;
- историософию – теоретическое осмысление историографического процесса в целом, не только процесса научного познания (чем непосредственно занимается эпистемология), но и его результатов, т.е. воссозданных познанием научных реконструкцией прошлого.

Эпистемология и историософия оплетаясь и составляют философию истории в узком смысле слова, являющуюся теоретическим осмыслением эмпирической историографии. А теоретическое осмысление исторической науки и есть, по сути дела, методология исторического познания в широком смысле слова. Иначе говоря, методология исторического познания в широком смысле слова исследует как конкретные методы научного исторического познания (предмет методологии в узком смысле слова), так и общие философские принципы, на основе которых и реализуются эти методы (такие как принцип объективности, принцип историзма, принцип системности). Т.о. методология исторического познания в широком смысле слова практически совпадает с философией истории в узком смысле слова.

Поскольку научные реконструкции прошлого (их всегда несколько – и сменяющих друг друга, и сосуществующих) и само существовавшее реально прошлое (а оно едино), очевидно, не одно и то же, существует философия истории в широком смысле слова, охватывающая дополнительно и соотношение этих понятий – исторической реальности и её реконструкций – и место исторической науки в системе других наук, и, наконец, предельно широкое осмысление социальной формы движения как таковой. Философия истории в широком смысле выходит за пределы методологии исторического познания и является уже областью собственно философии. Хотя между обеими версиями и не существует четких граней и они взаимопроникают друг в друга, образуя смежную область взаимопересечения.

Соотношение обозначенных выше терминов остается необщепринятым. Не все авторы четко разграничивают их (к чему, по нашему мнению, следует стремиться, хотя это и не всегда просто). Иные нередко подходят к ним просто как

к разным обозначениям одного и того же понятия «теория исторической науки». Т.о. картина терминологической путаницы в методологических исследованиях неутешительна. Не говоря уже о том, что последователи вульгаризованного марксизма, особенно в его советской версии, сводили всю историческую теорию к историческому материализму, который у них един в трех лицах: это и философия, и социология, и методология. А все остальное от нечистого («буржуазного недомыслия»). Тем не менее опыт и отечественной и мировой историографии доказывает, что все отмеченные нами понятия следует различать (если совпадения не носят объективного характера), ибо при всей их близости они фиксируют разные грани единого процесса познания и взятые вместе создают гибкий инструмент для его исследования. И даже те авторы, которые теоретически не различают эти термины, на практике вынуждены употреблять их в разных смыслах, лишь осложняя себе работу. Поэтому, знакомясь с литературой предмета, следует, во избежание недоразумений, обязательно удостовериться – в каком смысле употребляет тот или иной автор принятую им терминологию.

От методологии следует отличать методику исторического исследования – совокупность технических приемов и действий, с помощью которых практически реализуются теоретические методы. Методикой занимаются вспомогательные исторические дисциплины (прикладное источниковедение, хронология, палеография и т.д.).

Итак, предметом методологии исторического познания как специальной исторической дисциплины является как сам процесс исторического познания, так и его результат – научная реконструкция исторической реальности. По необходимости несколько схематизируя, можно выделить три основные задачи методологии исторического познания:

- Установить, что есть исторический факт и шире – историческая истина.
- Какие существуют пути достижения исторической истины.
- Как верифицировать историческую истину, т.е. как проверить соответствие полученных в ходе поисков истины утверждений объективной реальности, как отделить истину от заблуждений, неизбежно возникающих в ходе исследования.

Разумеется, разделение этих задач во многом условно, носит эвристический характер. На практике исследователь решает их одновременно и взаимосвязанно. Тем не менее в итоге исследования должен быть получен ответ на все три вопроса, иначе оно не будет научно корректным.

Сколько существует историческая наука, столько историки ломали головы над этими задачами. На этом пути победы и поражения, но общий прогресс все же очевиден, как очевидно и то, что путь к истине это только вечное приближение и никто и никогда не завладеет ею во всей полноте...

Завершая этот сюжет, мы должны констатировать, что методология истории расположена на стыке между собственно историографией, как фактографическим историописанием, и философией истории в широком смысле слова, как теоретическим осмыслением социальной (антропологической) формы движения реальности. Только такое, связующее две области человеческого сознания – научную и философскую, – положение и может обеспечить методологии способность решать стоящие перед ней задачи.

2. Методология исторического познания и религия

Еще в недавнее время, в советской историографии, религия рассматривалась лишь как реакционная идеология и мифология, не имеющая никакого отношения к научной исторической методологии. Между тем дело обстоит совсем не так просто. Во-первых, само историческое сознание общества утверждалось в пределах определенных религиозных традиций, формировалось в их системе понятий. Ибо никаких иных в то время и не существовало – религия обнимала собою всю целостность бытия человека и общества. В той мере, в какой наука, и в особенности наука гуманитарная, наука о человеке, выступает как часть культуры, следует помнить, что сами культурные системы складывались прежде всего на основе великих религий. Европейские светские культуры Нового времени есть порождение христианской цивилизации, несут в себе её наследие, зависят от неё как прямо – поскольку религиозные конфессии продолжают существовать, – так и косвенно, поскольку мы зависим не только от того, что принимаем, но и от того, от чего отталкиваемся. Во-вторых, религия остается особой формой сознания, наряду с наукой, философией, искусством, моралью, и пронизывая собою в той или иной мере эти формы сознания, сама по себе не может быть заменена ими, сведена к ним, как полагают «воинствующие атеисты», еще недавно господствовавшие в советской культуре. Ибо религия прежде всего имеет дело с огромной областью человеческого бытия, без которой немислим сам человек – областью веры. Семьдесят лет государственного атеизма в нашей стране только подтверждают это. Мы здесь не касаемся дискуссионного вопроса о том, насколько мыслима безрелигиозная вера. Однако всякая вера как убежденность в чем-то, что не поддается рациональному доказательству, есть, в конечном счете, обращение к непостижимому Абсолюту, иным словом -- к Богу... Вера не только дает опору человеку в его конечной, погруженной в непредсказуемый до конца вероятностный мир, ненадежной жизни, но, в конечном итоге, лежит в основе самого сознания. Любая научная парадигма, в том числе и в исторической науке, исходит из некоей совокупности постулатов, принимаемых на веру. Как равно научно недоказуемо ни бытие, ни небытие Бога, и каждый из нас стоит перед этой проблемой как перед лицом непостижимо-Абсолюта. И научная парадигма вырождается, как только становятся дискуссионными, начинают подвергаться мотивированному сомнению её постулаты.

Человек, как носитель сознания, просто не может ориентироваться в этом мире, а следовательно и заниматься наукой, без определенного мировоззрения, хотя и не всегда субъективно осознает это. Еще великий Кант открыл, что мировоззрение не может быть выверено по одному критерию, это не гомогенное образование, состоящее только из знаний, как полагали предшествовавшие ему философы от Сократа до просветителей XVIII в. и продолжают полагать многие после него, его не усвоившие. Это гетерогенное (сложносоставное) образование, куда, кроме знаний, входят: и представления о должном (мораль, этические представления), и суждения вкуса (эстетические представления), и вера (религиозные в основе чувства). Эти составляющие не могут быть редуцированы, сведены только к знаниям. И каждый компонент этой системы – особая духовная способность, которая держит испытание – проверку в соответствии со своей собственной сущностью: знания – на научность, т.е. объективную истинность,

нравственность – безусловную обязательность, вера – на способность обнадеживать нравственного человека. Осознать свое мировоззрение – значит задать себе вопросы:

- Истинно ли я знаю?
- Подлинно ли обязан?
- Искренне ли верю?

Великое Вопросание Канта: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?» – остаётся вечным определением мировоззренческой ориентации человека в этом мире. Не все люди это теоретически сознают, но на практике все этими вопросами задаются. Поэтому, имея дело с человеком, никакая наука не может совершенно абстрагироваться от этой проблематики и вести себя так, будто религиозные представления её не касаются. Касаются. Ибо это одна из духовных способностей, присущая как человеку изучаемому, так и человеку изучающему. Ибо религиозная проблематика неотъемлемая часть всякого исторического контекста, роль которой нарастает по мере углубления в прошлое. И исследователь этой проблематикой не владеющий, тем более ею пренебрегающий, лишается способности адекватно воспринимать историческую реальность, оказывается научно несостоятельным. (Независимо от своего личного отношения к религии и церкви).

Сказанное приводит к ещё одному очень сложному и часто вольно или невольно превратно толкуемому вопросу – о соотношении методологии истории и идеологии, теоретическому выражению политики. Уже религия неизбежно несет в себе идеологический компонент, поскольку затрагивает человеческие интересы, хотя полностью к нему никогда не сводится. Итак, завершим первую тему проблемой соотношения методологии исторического познания и идеологии во всех её ипостасях.

3. Методология истории и идеология

«Идеология» – буквально «учение об идеях» (греч.). «Идея» – мысленный комплекс, набор упорядоченных мыслей, нечто разъясняющий, могущий служить ориентиром и руководством в умственной и физической деятельности человека (идея может быть и практически-поведенческой, и научной, и религиозной, и философской и т.д.). Именно в этом прямом смысле термин «идеология» и был введен в научный оборот французскими просветителями XVIII в., прежде всего для обозначения комплекса общественных идей буржуазного Просвещения. Однако впоследствии, в научной практике, он был закреплен как обозначение совокупности любых идей, но прежде всего политических, выражающих отношение к власти. Идеология в этом смысле выступает как теоретическое выражение политики, мотивировка интересов и выгод участвующих в политической борьбе социальных групп, на какие делится данное общество, и их лидеров. Однако, следует помнить, что осуществляющие политику деятели, как правило, претендуют на всеобщность, приписывая себе представительство интересов всего народа, нации, а то и всего рода человеческого, маскируя свои подлинные групповые и личные устремления. Политика всегда скрывает и мифифицирует свою сущность. Хотя в любой идеологии могут быть genuinely объективно выгодные всей нации и даже всему человечеству, но только не

менты, и элементы всегда подчиненные интересам групповым и личным. Ни одна общественная группа в принципе не способна выражать интересы общества в целом. К выражению такого общего интереса – в данное время и в данном отношении – может в той или иной степени приближаться равнодействующая, составляющая некий компромисс между всеми представленными на политической палитре силами (и то лишь постольку, поскольку эти силы представляют всю наличную социальную структуру общества, что на практике никогда полностью не достигается).

Самая трагическая ошибка великого Маркса может быть выражена в трех словах: «историческая миссия пролетариата». Маркс решил, что люди, которым нечего терять кроме собственных цепей, освобождая себя, освободят весь мир ... Но низведенный до полуживотного состояния придаток к машине не может представлять даже самого себя – неизбежно находятся «представители», которые начинают говорить и действовать от его имени, но в собственных интересах. Сам он способен лишь на слепой бунт, когда переполняется чаша терпения. Что из всего этого получается в XX веке, хорошо известно. Человек, которому нечего терять, может быть только слепым орудием в чужих руках. Ну, а если есть чего терять, немедленно формируются групповые интересы, направленные на собственную выгоду, а не на спасение человечества ... Подобно буржуазным просветителям, марксизм также претендовал на представительство общечеловеческих интересов, делил идеологию на прогрессивную и реакционную, выдвигая критерием собственные представления, как «единственно научные», изобрел «научную идеологию» (что есть оксюморон типа «жареного льда») и «идеологическую надстройку» в общественной структуре, куда зачислил не только собственно идеологию, но всю духовную продукцию человечества (религиозные, философские, научные идеи, искусство, мораль), которая несет на себе идеологические воздействия, но сама по себе идеологией не является – в принятом самим марксизмом политическом смысле.

Может ли существовать идеология нации, теоретическое выражение её истинных интересов, т.е. интересов, обеспечивающих её долгосрочное и устойчивое процветание в нашем бурном мире? Поскольку любая реальная нация сложно структурирована, состоит из сложно взаимодействующих слоев-страт, больших и малых социальных групп, а ни одна из групп не может в принципе стать на позицию всего общества, т.е. совокупности всех остальных субъектов, то возвыситься надо всеми и выразить именно общенациональный интерес способны только гениальные одиночки. И такие гении могут выработать даже не идеологию, как программу практических действий (за исключением, может быть, критических экстремальных ситуаций, всегда предельно упрощающих положение и сводящих все многообразие интересов к простому выживанию), а национальную идею, точнее национальный идеал, который может служить общенациональным ориентиром. Такой ориентир будут вынуждены принимать во внимание все сущие в обществе идеологии, чтобы добиваться более или менее прочного успеха, – если он принимается национальным сознанием, но сам по себе, «в чистом виде», он невоплотим, как и всякий идеал. (Мыслимы – как редкое исключение – и гении, способные подняться на самый высший, общечеловеческий уровень и сформулировать общечеловеческие идеалы, еще более

трудновоплотимые, и, тем не менее, в конечном счете, общеобязательные на определенном уровне взаимоотношений народов, наций, государств и групп государств).

Характерно, что в наименьшей степени истинные интересы нации способна выражать именно та идеология, которая прямо на это претендует – идеология национализма. Дело в том, что всякий национализм абсолютизирует национальные различия, обособляет нацию и противопоставляет её другим нациям, он эгоистичен по определению и имеет тенденцию сползать к шовинизму – озлобленному неприятию и прямому подавлению – по мере возможностей – других наций. Он объективно строится, чтобы не говорили его адепты, не на любви к своему народу, а на ненависти к другим. Ведь в повседневной политике «народ» – абстракция, это сложная структура слоев и групп с несовпадающими интересами. Как некая единица «народ» предстает только в противостоянии другим народам, когда все различия сводятся только к этнической принадлежности, как это и бывает только во время «холодных» и «горячих» войн (граница между коими всегда размыта). Разумеется, если понимать «народ» прежде всего как этническую общность, но именно так и воспринимают это понятие националисты. Не случайно говорят, что национализм – это последнее прибежище негодяев, и что национальным (в смысле «этническим») достоинством озабочены, прежде всего, люди, лишенные всех остальных достоинств. Поэтому националисты всегда «борцы», они непрерывно «борются», находятся в состоянии объявленных и необъявленных войн со всем миром, и движения их «фронты». Союзники у них могут быть только «в борьбе» (по принципу «враг моего врага – мой друг»). Националист готов пожертвовать глазом, чтобы соседу выкололи два ... Поиски и разоблачение врага – его любимое занятие. Отсюда и вечный коллаборационизм националистов, готовность идти ради своих целей на сделку хотя бы и с самим сатаной, готовность легко пожертвовать и собственным народом, если он не принимает их идеологии и их самих в качестве «национальной элиты». Мир многонационален, и истинные, долгосрочные интересы любой нации заключаются в том, чтобы, в первую очередь, найти свое место в мирном содружестве с другими нациями, а не в противопоставлении себя им. Сейчас модно рассуждать о взаимовыгодном сотрудничестве, делая ударение на слове «выгода». Но добрососедство не может строиться только на выгоде (это так даже в животном мире, а не только в человеческом), оно обязательно предполагает и взаимопомощь, известную долю бескорыстия, даже самоущемления во благо других. Бескорыстия никто не имеет права у других вымогать, но каждый должен его добровольно проявлять. Только это отвечает высшим интересам человечества как рода. С этой точки зрения национализм – вчерашний день политики, её болезнь (хотя, похоже, мы сейчас наблюдаем настоящую эпидемию этого недуга), но после всякой болезни организм выздоравливает (если выживает, следует уточнить – к сведению заядлых «борцов»). Разумеется, идеология национального сотрудничества, как лишенная групповой ограниченности, не может сформироваться в замкнутый идеологический комплекс, подобный идеологии национализма. Это скорее часть национального идеала любой зрелой нации (и показатель её зрелости) и как таковая должна учитываться групповыми идеологиями. Стремление к её воплощению – один из

прогрессивных элементов любой идеологии. Кроме несовместимой с всю националистической, для которой враждебна любая идеология, не признающая их притязаний на исключительное представительство нации. Национализм духовно тоталитарен и сходится в этом отношении с «пролетарским интернационализмом». Итак, идеология – это теоретическое выражение политических отношений, т.е. на деле теоретическое обоснование групповых интересов в данном обществе. Можно возразить, что политика есть предмет специальной науки политологии, которая вбирает в себя понятие идеологии. Но дело обстоит не так просто. С одной стороны, идеология действительно один из объектов изучения политологии, включающей в свой предмет, помимо мотивировок интересов (собственно идеологии), ещё и учение о технологии политической деятельности, структуре политической организации общества, стратегию и тактику борьбы за общественное мнение, теорию кадровой политики и т.д. Но с другой стороны, идеология выходит за рамки политологии, поскольку включает в себя идеологический компонент любого идейного комплекса в любой сфере человеческой деятельности. А идеологической становится любая идея, так или иначе задевающая наличные в обществе групповые интересы. То, что ещё вчера было как будто идеологически нейтрально, сегодня может быть вовлечено в сферу политических интересов и одними начинает яростно опровергаться, другими восхваляться, третьими корректироваться и даже фальсифицироваться... Именно на этом основании некоторые общественеды, в том числе и марксисты, склонны именовать «идеологией» вообще всю сферу идей, независимо от отношения к объективной истине или чьей-либо выгоде, отождествляя т.о. с истиной определенный групповой интерес, заявленный или от имени определенного класса (самого прогрессивного, по их мнению), или нации, а то и вообще всего человечества. Если это не наивное недомыслие, то откровенное лукавство.

Идеология всегда паразитирует на науке, использует научную терминологию, научные обобщения, но она сама не является наукой (хотя и является, как и все на свете, объектом научного изучения – политологией, историей политических учений и т.д.). При всем наукообразии от науки её отличает цель: наука стремится к достижению истины, идеология – к реализации групповых и личных интересов и выгод. Наука требует жертвовать выгодой ради истины (в противном случае она перестает быть наукой), идеология всегда жертвует истиной ради выгоды. Это предопределяет реальные взаимоотношения между наукой, в том числе и методологией истории, и идеологией. Ученый вынужден постоянно решать квадратуру круга: с одной стороны, борясь за истину, он стремится предельно дистанцироваться от идеологии, но, с другой стороны, нельзя жить в обществе и быть независимым от общества. Ученый сам принадлежит к определенной группе, зависит от впитанных им общественных установок и стереотипов, от работодателя и издателя, от общественного мнения и т.п. Как пойманная в сачок бабочка, он бьётся в густой сети оплетающих его интересов, и получить от них хотя бы относительную свободу невероятно трудно. И, в третьих, его обобщения, становясь достоянием общественного мнения, неизбежно политизируются и подвергаются искажениям, даже фальсификации, независимо от его воли, хочет он того, или не хочет. Вступая же в полемику со своекорыстными непрофессионалами, он сам вынужден опускаться на уровень

политиканов-идеологов, покидая область собственно науки. Историческая наука в этом отношении находится в особенно сложном положении – ведь исторические данные привлекаются для мотивировки интересов чаще, чем какие-либо иные. Вот почему историк не может абстрагироваться от идеологии даже в процессе работы (как это возможно для естествоиспытателя). Подобно судебному следователю, или вторгающемуся скальпелем в человеческий организм хирургу, он постоянно должен помнить – «не навреди!» Исследуемые им факты должны подаваться во всех возможных и допускаемых источниками опосредствованиях, как фрагменты целостной исторической реальности, чтобы предельно сузить возможность их злонамеренного, или просто непрофессионального, искажения кем бы то ни было. Следует, далее, помнить, что заблуждение в науке это даже не столько искажение, неадекватная передача отдельных фактов, сколько их абсолютизация, выпрямление спирали, выдергивание из исторической ткани отдельных нитей, из которых затем сплетается кружево лжи. Как бы ни было дорого историку доставшееся тяжким трудом обобщение, он всегда должен быть готов, опять-таки как судебный следователь, скорректировать его, если этого требуют новооткрытые обстоятельства. Поэтому труд историка очень некомфортен, неблагодарен. Историк всегда для всех тем менее удобен, чем больше он ученый, он неудобен, как неудобна сама истина ... Тем более что других ученых, хотя бы в какой-то мере, защищает недоступность для политиков их специальных знаний, в истории же почитает себя знатоком всякий, способный читать на родном языке. И ещё. Чтобы не оказаться в положении некрасовского героя, о котором поэт сказал: «что ему книга последняя скажет, то на душе у него сверху и ляжет», чтобы не превратиться во флюгер, который вертится по направлению если и не своекорыстных интересов, то очередных модных научных поветрий, историк должен иметь научные убеждения, идеальный вектор своей деятельности. Таким вектором могут быть только выработанные национальными и мировыми гениями национальные и общечеловеческие идеалы. Только они, в конечном счете, не расходятся с Истиной, жрецом которой призван быть всякий ученый.

Итак, методология исторического познания обеспечивает сам процесс получения исторического знания и его верификацию – проверку на истинность. Она обозначает суверенное место исторической науки в системе наук и предохраняет её от сползания в область вненаучных идеологических мифов.

Методология исторического познания есть обязательное условие научной квалификации ученого-историка, исследователя и педагога. Не владея ею, он оказывается неспособным ни продуцировать, ни преподавать научные знания по истории. Равно как и адекватно оценивать исторические труды других авторов. Поэтому овладение методологией исторического познания обязательно для студента-историка, а знакомство с нею – для всякого образованного человека.

II. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

1. Своеобразие исторического факта

Воздух ученого – факты, сказал великий Павлов. Это в полной мере относится и к ученым историкам. Первая задача методологии истории, как было от-

мечено, попытаться ответить на вопросы: что есть исторический факт? что есть историческая истина? Однако, ставя эти вопросы, мы с первых же шагов сталкиваемся с принципиальными отличиями исторического познания, исторической науки не только от естественных наук, но и от большинства гуманитарных. Эти отличия лежат на поверхности, они как бы самоочевидны.

Во-первых, объект исторического изучения, прошлое человеческого общества, не может быть воспринят непосредственно. Оно поддается изучению лишь в той мере, в какой отразилось в дошедших до нашего времени объектах и процессах – исторических источниках. А такое отражение в большинстве случаев неполное, стертное, искаженное и неоднозначное. Итак, в историческом исследовании между фактом самой действительности и фактом познающей её науки стоит факт-источник.

Во-вторых, для историка практически недоступен такой мощный инструмент познания как эксперимент, искусственное многократное – сколько понадобится – воссоздание в «чистом виде» подлежащих изучению явлений и ситуаций, что позволяет найти управляющие ими закономерности.

В-третьих, суждения о прошлом изначально, как мы уже констатировали, выступают в идеологизированном виде, что очень затрудняет прояснение их истинной сути.

В-четвертых, историческое познание не сводится к рационально-логическим процедурам. Поскольку, как справедливо заметил Маркс, история есть не только естественно-закономерный процесс, но и всемирная драма, так как люди руководствуются в своих действиях не только рациональным расчетам, но и иррациональными страстями. Поэтому познание истории требует известного сопереживания, аксиологического, ценностного подхода.

Из всего сказанного вытекает, что само понятие факта в истории специфично. Действительно, обычное представление о работе историка сформировалось под влиянием естественных наук. Её представляют как некий двухступенчатый процесс: сначала сбор и накопление фактов, затем их анализ и обобщение. Даже если учесть, что в практике любого исследования обе ступени частично накладываются друг на друга – исследование фактов начинается уже в процессе их накопления, в ходе исследования возникают новые факты – при всем этом, обе ступени выделяются в опытных науках достаточно определенно. Однако такое представление, если речь идет об историческом исследовании, более чем проблематично. Достаточно поставить такие вопросы:

1. Любой ли факт прошлого является историческим, а если нет, то каков критерий отбора фактов?

2. Можно ли представлять исторический факт как атом, кирпич познания, четко ли ограничивается он от других фактов, или срачивается с ними в некую, лишь условно делимую, целостность? А если это так, то каково соотношение между фактами разного порядка?

3. Что собственно мы имеем в виду, говоря об историческом факте: это реальное явление, или некая, созданная самим историком, конструкция? Каково отношение фактов, о которых говорят историки, с реальными событиями прошлого?

В дальнейшем мы попробуем ответить на эти вопросы, но предварительно еще несколько замечаний. Всматриваясь в историю науки, мы обнаруживаем, что, во-первых, каждому этапу развития исторического знания соответствует особое понимание факта. И, во-вторых, убеждаемся, что за лежачим на поверхности своеобразием исторического познания скрываются глубокие связи его со всем, целостным в основе, процессом человеческого познания как такового, которые на первый взгляд отнюдь не очевидны. При этом вырисовываются три стойких гносеологических предрассудка-парадокса по поводу проблемы исторического факта, которые не следует упускать из вида. Парадокс, в данном контексте, есть некое суждение, на первый взгляд расходящееся со здравым смыслом, но на самом деле проясняющее истинный смысл явления. Или наоборот, внешне кажущееся истинным, но на самом деле ложное.

Парадокс первый. Логика различает объект и предмет познания. Сформулировать предмет исследования – это значит определить взятую тему в форме вопроса, на который предстоит ответить. Отсюда делается вывод: предмет познания – это фрагмент знания об объекте, но фрагмент самого объекта. (Как мы далее убедимся, это не совсем так).

Парадокс второй. Существует наивное убеждение, что факт это то, что дано непосредственно чувствами, непонимание принципиальной теоретичности всеобщей человеческой практики. Уже просто слово-название теоретически обобщает: Иван-человек, Жучка-собака.

Парадокс третий. Как бы подтоживающий два первых – раз историческое прошлое уже свершилось в отдаленное от нас время, то воспринять его непосредственно совершенно невозможно. Это означает абсолютизацию своеобразия исторического познания. Но абсолютизация любого верного в основе положения уже есть заблуждение, ибо справедливость любого утверждения имеет свои границы применимости, за пределы которых нельзя выходить, иначе истина перестает быть таковой, превращается в заблуждение. Главное в понимании – отношение меры, как говаривал еще старик Гегель. Следует иметь в виду, что вместе с источниками из прошлого до нас доходят реальные фрагменты прошедшей исторической действительности, исторические памятники. Это открывает возможность реконструкции самого, скрытого от нас временем, объекта исторического познания. Ведь и современную нам действительность мы неизбежно воспринимаем фрагментарно: одно мы не замечаем, другое от нас умышленно скрывают или преподносят в искаженном виде, до третьего просто не доходит руки. Мы лишь в небольшой степени воспринимаем современную нам действительность непосредственно, даже являясь прямыми участниками, а не только сторонними наблюдателями событий. А в основном мы её постигаем также через источники разного рода. Не говоря уже о том, насколько бывают адекватны наши непосредственные восприятия, ибо нередко именно источники затем камня на камне не оставляют от наших прямых впечатлений. *Humani ergare est.* Известно, сколь ненадежны бывают свидетельства даже самых искренних мемуаристов.

Восстановить целое по фрагментам, приблизиться к объективной целостности можно лишь при условии диалога с источниками, при условии способности задавать источникам вопросы. Ибо находят лишь то, что целенаправленно ищут, а случайные находки чаще всего просто не замечаются, или им не прида-

ётся значения. Итак, четко формулируй вопрос, если хочешь получить ответ. Следует помнить, разделение самой действительности и знания о действительности не абсолютно, во многом оно относительно, условно, ибо нет знания о действительности без самой действительности, с одной стороны, а действительность как таковая не может быть воспринята вне и помимо уже наличного теоретического знания – с другой стороны. Познавая действительность, мы её реконструируем, а реконструируя – познаем. Конечно, всякая реконструкция, как и вообще восприятие чего бы то ни было, неполна, объективная действительность всегда богаче, мы только по мере возможности приближаемся к ней, но никогда не исчерпываем её. Иное дело, что наши представления могут быть иллюзорными, ложными, вовсе не совпадать с действительностью, но это уже проблема верификации исторического познания. О ней мы будем говорить специально.

2. Современное понимание исторического факта.

Понятие исторического контекста

Как же понимается факт на современной стадии исторического познания? Большинство специалистов сходятся на следующих исходных положениях:

- Строго говоря, историк с самого начала занимается не сбором, а отбором фактов, что невозможно без руководящей гипотезы, которая строится в рамках разделяемой историком широкой гипотезы-парадигмы. И только далее уже начинается область конкретных источниковедческих методов. Вспомним вопросы, поставленные в первом разделе темы. Отвечая на первый из них, мы констатируем – нет, не все факты изначально являются историческими применительно к данному предмету исследования; исторические факты надо установить и отобрать, только тогда становится возможным научное обобщение. Другое дело, что факты неисторические в одном отношении, в другом могут стать таковыми. Но конкретное отношение к факту всегда задается принципом отбора, который определяется руководящей гипотезой. Однако выстраиваемая при этом система фактов начинает жить как бы собственной жизнью и может оказывать обратное воздействие на исходную гипотезу, корректировать её. Так выкристаллизовывается историческая истина.

- Отвечая на второй вопрос, надо иметь в виду типологию факта. Можно различать факт-событие и факт-процесс, факт единичный и факт массовый, факты разной степени сложности, факты, находящиеся на разных уровнях абстракции: а) эмпирический факт, б) факт-обобщение разного уровня. Причем принцип обобщения всегда привносится в процесс исследования, это внеисточниковое знание. Различают обобщение-теорию, научно корректно мотивированную показаниями источников, и обобщение-гипотезу, научное предположение, прямо не вытекающее из всей совокупности наличных источников, но не противоречащее им, допускаемое ими. Как мы отмечали, гипотезы могут быть начальными, предваряющими исследование, и конечными, скорректированными в итоге исследования. Далее следуют научные домыслы, суждения о предполагаемых событиях, вообще не отраженных в источниках, но в принципе допускаемых ими (научная историческая фантастика, широко используемая историческим жанром литературы) и, наконец, вненаучная мифология, противореча-

щая наличной системе фактов (ненаучная историческая фантастика, которой нередко злоупотребляют не только литераторы). Далее следует различать, как уже отмечалось, факты существенные и несущественные в данном отношении (исторические и неисторические), наконец, факты для нас и для современников фактов. Например, в древнем Египте обожествляли жуков-скарабеев. Появление таких жуков на дороге могло заставить изменить маршрут движения целого войска (вспомним эпизод из романа Б. Пруса «Фараон»). Для древних египтян это был очень существенный факт, для современных это не значит ничего. Но и в современной Индии возникают заторы на дорогах потому, что шоферы не смеют отогнать священных бродячих коров. Во многих европейских и американских отелях нет 13-го этажа и 13-х номеров, а в Японии соответственно 4-х. ... Суеверное отношение к определенным числам может восприниматься как существенный факт и т.д.

- Отвечая на третий вопрос, мы должны констатировать, что факты реально существуют не сами по себе, а в системе неких объективно сущих связей, которые историк не конструирует, а вскрывает. Сеть этих связей составляет исторический контекст, в котором данные факты только и могут быть осмыслены. Этот контекст и есть истинное научное отражение той или иной стороны бесконечной исторической реальности. Это особо следует держать в уме, ибо в процессе отбора источников факты выступают в сознании историка в виде отдельных фрагментов реальности, как некие обособленные образования, и на первом этапе исследования это неизбежно. Но такое восприятие фактов обязательно должно затем преодолеваться. Научная картина прошлого не тождественна самой исторической реальности, хотя и включает в себя её подлинные фрагменты. Это система контекстов как угодно близко к ней приближающаяся (впрочем, такова и наша картина современности, все относительно). Каждая эпоха задает свои вопросы к прошлому и получает свои ответы на них, вычленивая все новые объективные системы связей между фактами, все новые исторические контексты, интерпретируя их в меру достигнутого уровня исторического познания. И этому процессу неотвязно сопутствует идеологическая подтасовка фактов, измышление не существовавших в действительности, мифических связей.

- Факты воспринимаются всегда в двух аспектах: факты-реалии, объективный аспект (произошло то-то и то-то, следует установить где, когда, почему, при каких обстоятельствах, какие это имело последствия) и факты-оценки (хорошо это или плохо, и с чьей точки зрения) — аксиологический аспект. Иногда говорят, что факт-оценка не должен вообще занимать объективного историка, но на практике последовательно разделить эти аспекты восприятия факта никогда не удается, хотя бы потому, что оценка свершившегося факта разными фигурантами исторического процесса входит в объективную констатацию последствий, которые повлек за собой факт. Во-вторых, позиция самого историка всегда оценочна, как бы он ни стремился к бесстрастности, и всегда выдаст себя — хотя бы через авторскую интонацию. К тому же, как уже отмечалось, сопереживание, эмоциональное вживание в эпоху — одна из обязательных составляющих исторического познания.

- Далее следует иметь в виду, что исторический факт внутренне противоречив и в следующем отношении – он одновременно неповторим в бесконечно-разнообразной системе связей, куда он включен, но и типичен, повторим включенностью в некую категорию, общее понятие. Историк гораздо реже естествоиспытателя может абстрагироваться от индивидуальности факта (так называемая слабая версия науки).

- Исторический факт (какова бы ни была его структура) неисчерпаем, поскольку одновременно входит в потенциально бесконечное множество контекстов и эти контексты не статичны, они текучи, ибо каждый контекст схватывает лишь некое временное состояние движущейся реальности. Одно в координатах конкретного времени теряет существенное значение, другое приобретает. Историк всегда воспринимает реальность как пересечение диахронных (движущихся во времени) и синхронных (сосуществующих во времени) срезов.

- Далее следует различать факты исторической реальности от фактов-высказываний о них, в том числе и от научных фактов. Факт-реальность бесконечно богаче. Научный факт, как таковой, утверждается только через верификацию, доказательство его истинности. Он только тогда научный факт, когда доказано его объективное бытие, независимое от нашего сознания, от самого нашего существования.

И в завершение темы еще раз подчеркнем – историк не только вычленяет объективный научный факт, он тем самым и реконструирует историческую реальность как таковую. Это возможно потому, что вместе с источниками до нас доходят и реальные фрагменты прошлого, позволяющие реконструировать ту целостность, осколками которой они являются. Как археолог по черепкам собирает разбитый древний сосуд, а архитектор-реставратор воссоздает разрушенное старинное здание.

Как видим, по современным научным представлениям исторический факт выступает не как некий неделимый атом-кирпичик реальности, а скорее, если прибегнуть к физической аналогии, как квант многомерного событийного поля прошлого, лишь условно вычленяемый из целостной ткани исторического контекста. Это одновременно, если смотреть под разными углами зрения, и корпускула-частица, и волна этого событийного поля.

Итак, констатируем – историческая истина есть соответствие наших представлений объективной реальности, существующей вне и независимо от нашего сознания (включая сюда и запечатанные факты сознания людей ушедших эпох). И она постигается через научную реконструкцию исторических контекстов прошлого.

III. ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КОНКРЕТНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. Основные принципы исторического познания

Итак, мы убедились, что процесс исследования исторических источников не может осуществляться в принципе, если исследователь не владеет определенным рационально-логическим инструментарием для такой деятельности – методами, каковые, в свою очередь, определяются более широкими теоретиче-

скими, философскими принципами. Такими основными принципами можно считать следующие три: принцип объективности, принцип историзма и принцип системности.

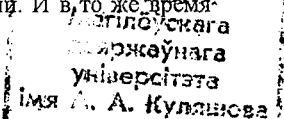
Принцип объективности есть сознательная ориентация познавательных процедур на соответствие объективной, находящейся вне и независимо от нашего сознания, исторической реальности, т.е. на достижение исторической истины. Этот принцип требует сознательного дистанцирования от вненаучных соображений, от идеологии. Требуется установка на готовность пожертвовать любыми выгодами ради истины. «Платон мне друг, но истина дороже», – вот вечный пример для истинного ученого. Как велик бывает соблазн – ну немножко подправить истину, ну умолчать о чем-то, сомнительном в смысле истины, хотя бы самую малость ... Но коготок увяз, всей птичке пропасть. Вот почему это очень трудноисполнимый принцип, это одновременно и нравственная максима. Поэтому и забывать о ней подлинный ученый не может ни на мгновение, на всех этапах познавательного процесса. Каким бы красивым и новаторским ни выглядело то или иное обобщение, как бы ни отвечало оно убеждениям историка, первой мыслью его должна быть: а как оно соответствует твердо установленным фактам, как вписывается в научную картину исторической реальности? И если противоречит фактам, и если это противоречие не может быть научно корректно объяснено, надо иметь мужество признать такое обобщение заблуждением мысли.

Принцип историзма более конкретен. Он предполагает, как минимум, последовательное проведение следующих подходов к историческому исследованию:

Во-первых, любое явление следует брать в его генезисе-зарождении и развитии: когда, где и почему оно возникло, какие этапы в своем развитии прошло, прежде чем исчезло или приобрело современные нам формы.

Во-вторых, явления прошлого следует воспринимать не только с нашей сегодняшней точки зрения, но прежде всего по правилам их времени. Люди прошлого не так воспринимали мир, как наши современники, не так мыслили, имели иную шкалу ценностей и потому не так действовали в определенных обстоятельствах, как действовали бы мы сейчас. Одно из самых распространенных заблуждений, искажающих научную картину прошлого, – модернизация истории, перенесение в прошлое современных представлений, которых у людей того времени не было и не могло быть. (Например, современных этнических, социальных и политических представлений).

Процесс исторического познания, как уже отмечалось, диалогичен. Историк должен жить как бы в двух временных срезах – в своем собственном времени и в изучаемом. Чтобы адекватно понять прошлое, в него надо погрузиться, в то же время для исследования прошлого историк должен применять весь арсенал средств своего времени, которыми человек прошлого обладать не мог. Поэтому следует постоянно различать, что могли знать люди прошлого о своем времени, а что не могли, что знаем сегодня мы, их далекие предки. Например, производственные отношения или ментальные структуры существуют объективно, не проходя через сознание, само существование их было открыто только в Новое время. Естественно, люди прошлого о них и не подозревали. И в то же время

многое из того, что они знали, остается недоступным для нас. Что-то из этого, по мере развития методологии познания, станет, в конце концов, известным, а что-то утрачено необратимо. Как необратимо ушли неповторимо уникальные индивидуальности людей прошлого. «Под каждым могильным камнем покоится всемирная история», — сказал Генрих Гейне ...

Очень важен принцип системности. Он означает, во-первых, что ни одно явление в мире не существует изолированно, а существует в системе связей, и его выделение как некой обособленности всегда в известной мере условно. Даже сам человек не только неповторимая личность, персона, но и совокупность общественных отношений, и не может ни сформироваться как личность, ни существовать вне общества. Объективная реальность это сверхсложная система систем. Система есть не просто некая совокупность элементов, а их взаимообусловленная, взаимодополняющая друг друга целостность, обладающая определенными системными свойствами, какими не обладают отдельно взятые, составляющие её элементы. Системы бывают статичными, а бывают и динамичными, развивающимися, закрытыми и открытыми, условием существования которых является непрерывный обмен веществом, энергией и информацией с другими системами. Именно такой открытой динамичной системой и является общество.

Математическим исследованием систем занимается особая междисциплинарная наука – кибернетика. С её помощью уже пытаются моделировать объективные общественные системы разного порядка. Однако подобные модели навсегда останутся вспомогательными, хотя и весьма полезными, средствами исторического познания (уже и название придумали – «клиометрия»). Ибо история – вспомним – не только естественно-закономерный процесс, поддающийся изучению математическими методами, но и всемирно-историческая драма. Люди не логические автоматы и в своей деятельности руководствуются не только рациональным расчетом, но и страстями-эмоциями, а они в большинстве случаев непредсказуемы, иррациональны, не поддаются формализации. Поэтому историю никогда не будут писать математическими символами, а всегда живым человеческим языком.

Однако определенные выводы кибернетики имеют общепhilosophический смысл и их-то историк должен помнить постоянно. Например, такие. Во-первых, сложные системы всегда построены на основе принципа дополнительности, т.е. они могут быть описаны только одним каким-нибудь способом, таких способов должно быть не меньше двух. Так, физическая реальность описывается противоречащими друг другу, но взаимодополнительными теориями – теорией относительности и квантовой механикой. Бытие воспринимается сознанием также с двух взаимопроверяющих друг друга, но также взаимодополнительных позиций – материалистической и идеалистической и т.д. А это значит, что в самой основе сложных систем заложены непримиримые противоречия, непротиворечивыми они быть просто не могут. И одна из важнейших задач историка такие противоречия обнаружить и исследовать. Этот принцип предохраняет историка от догматического схематизма, которым весьма грешил вульгаризованный марксизм советского образца и которым пронизаны всевозможные плоские, искусственные схемы исторического процесса, вроде нацио-

налистических, фрейдистских и т.п. Если вам предлагается простая, логически непротиворечивая схема сложнейших исторических процессов – ждите подвоха, скорее всего это сконструированная в отрыве от реальных фактов идеологическая догма или мифологема.

Во-вторых, системные связи носят характер обратных связей, характеризуются взаимным обменом информацией по принципу: воздействие – обратная реакция, обменом, постоянно корригирующим взаимосвязанные элементы системы. И без учета этого характера взаимосвязей они не могут быть адекватно поняты. Совершенно односторонних связей внутри системы не бывает.

Далее, принцип системности требует воспринимать прошлое как конкретную, локализованную во времени и пространстве системную целостность. Это значит, что нельзя произвольно вырывать факты из того контекста, в котором они реально существовали, нельзя произвольно соединить факты, относящиеся к разному времени и разному месту. Надо специально доказывать, что разновременные факты есть звенья единой, генетически связанной цепи, а не произвольное соединение лишь внешне похожих в каком-либо отношении, разнородных фактов. И что на данной территории определенные факты в определенное время реально существовали. Ведь, может быть, ранее существовали, а потом исчезали или развились в совсем иное качество, а может быть, появились лишь в позднее время, а ранее их в данном месте не было и т.д. Без такой мотивации ни одна историческая реконструкция не может быть научно корректной.

Особое место в системе основных философских принципов исторического познания занимает соотношение так называемых формационного и цивилизационного подходов. Особое место потому, что корректнее рассматривать эти подходы в рамках широкого понимания философии истории, что выходит за пределы настоящего пособия. Однако многочисленные и не всегда научно корректные спекуляции по поводу этих подходов в современной литературе, и даже в массовой прессе, принуждают все же кратко коснуться этой проблемы. Прежде всего, представляется неуместным само противопоставление этих подходов. Абсолютизация формационного подхода, превращение его из ценного научного обобщения в некую универсальную отмычку на все случаи жизни есть давно преодоленное серьезной наукой наследие догматического псевдомарксизма. Сверхсистема человеческого социума всегда состояла (после выхода из первобытного синкретизма), состоит и в обозримом будущем будет состоять из цивилизаций, конкретных социокультурных общностей, находящихся между собою в сложном иерархическом соподчинении. Формация же есть объективная социально-экономическая характеристика, стадия, или идеальный тип по М. Веберу, развития конкретных цивилизаций. Понятие формации возникло с открытием материалистического понимания истории, открытия тех скрытых, не проходящих непосредственно через сознание объективных производственных отношений, которые определяют существующие в данном обществе способы материального воспроизводства жизни. Ведущий из этих способов характеризует социально-экономическую формацию как системную целостность. (Так выделяют формации рабовладельческого типа, феодального типа и товарно-рыночного, буржуазного или капиталистического типа). Понятие формации позволяет классифицировать типы (или стадии развития) цивилизаций по матери-

альным, поддающимся объективной верификации признакам, и поэтому является для обществознания ценным работающим обобщением. Однако оно не может подменять понятие цивилизации как конкретного общества, вовсе не сводящееся к одному способу производства. Духовная жизнь общества не может быть выведена непосредственно из материального бытия, как, впрочем, и материальное бытие из духовной жизни, хотя обе эти сферы существования общества сложно влияют друг на друга. И это взаимовлияние само по себе важный объект исторических исследований. И материя и сознание – предельные единичные категории, суть которых остается непостижимой и уходит в область веры.

Таково восприятие этой проблематики практическим историком. А все остальное или мертвая схоластика, или заоблачные абстракции чисто философской спекуляции.

2. Конкретные методы исторического познания

Теперь обратимся к конкретным методам исторического исследования. Прежде всего следует напомнить – все методы конкретного исследования взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга, составляют грани единого процесса познания. И на практике они применяются фактически одновременно, лишь акцент переносится, в соответствии с задачей исследования, с одного метода на другой. А так их разделение носит преимущественно эвристический характер. Так же как, говоря о методах, нельзя полностью отвлечься от общеприятных принципов, в рамках которых они реализуются. И наоборот. Поэтому при изложении этого материала нельзя избежать известных повторов, хотя угол зрения в соответствии с поставленной задачей постоянно меняется.

Единого подхода к классификации конкретных методов не существует, и у разных авторов разные классификации (причем обыкновенно они не удосуживаются даже мотивировать отличительные черты своего подхода). Очевидно, это связано с абсолютизацией ими своего личного исследовательского опыта, а он достаточно различен.

Наиболее приемлемой для начинающих исследователей представляется следующая классификация (хотя автор отнюдь не исключает возможности и иных подходов):

1. Метод генетической ретроспекции. Исследователь устанавливает географическую локализацию тех или иных фактов, синхронные связи между ними, а затем прослеживает их развитие во времени, выстраивая генетически хронологические ряды – трансформацию во времени – фактов наиболее существенных, опорных для исследования определенных явлений. Например, для реконструкции картины развития аграрного производства на определенной территории за определенное время надлежит выстроить, по крайней мере, следующие генетически хронологические ряды: развития форм крестьянской зависимости, характера и размеров ренты, продуктивности хозяйства, движения цен на производимые продукты и т.д.

2. Типологический метод. Это метод построения схематических моделей определенных системных единиц исторической реальности. Например, производственных по преимуществу – разных типов сельской общины, ремесленных

объединений и т.д., социальных – разных сословных групп и т.п., политических – разных моделей государственного устройства, этнокультурных, ментальных моделей и проч. Разновидностью этого метода выступает математическое моделирование, уже упоминавшееся нами выше. Схематизируя реальность, модель отвлекается от всего в данном отношении несущественного, затемняящего существенные связи и позволяет прояснить структуру и скрытые закономерности развития данной системной целостности. Сужая бесконечно разнообразное поле исторической реальности, модель углубляет её понимание под определенным углом зрения.

Иногда выделяется как отдельный так называемый структуралистский метод. На самом деле это лишь разновидность типологического, обычно его статичный аспект, исследование структур в определенных временных и пространственных координатах. То же можно сказать и о пресловутом, невероятно абсолютизированном в советской историографии методе классового анализа – на деле это типологический анализ социальных групп по их месту в системе производственных отношений, в системе существующего в данном обществе разделения труда. Разумеется, такой подход вполне корректен при изучении социально-экономических и политических структур общества. Но он не может заменить собой все, остальные аспекты типологического анализа, он не универсален, как его пытались трактовать в советской литературе. Это лишь одна из граней типологического метода, в одних случаях востребуемая логикой исследования, а в других нет. Очевидна взаимосвязь типологического метода с методом генетической ретроспекции, который выступает как один из способов типологического моделирования. Действительно, всякая модель научно корректна только тогда, когда она точно локализована в пространстве и времени.

3. Сравнительно-исторический метод. Сопоставляя процессы, развивавшиеся на разных территориях в сходных условиях, или, наоборот, в существенно различных, историк выявляет как общие для определенных регионов, цивилизаций, культур, государств и т.д. закономерности, так и специфические, локальные. Общие существенные закономерности разных регионов со сходными условиями позволяют, с той или иной долей вероятности, восполнять на примере действительности одного региона пропуски-лакуны, вызванные отсутствием или недостатком источников, при реконструкции исторической реальности другого региона. Например, вековой строй древнего Полоцка, о котором сохранилось очень мало исторических свидетельств, во многом можно реконструировать через аналогию с гораздо лучше известным вечевым строем Пскова и Новгорода, сходство с которыми Полоцка многократно подчеркивается в дошедших до нас источниках.

Сравнительно-исторический метод позволяет выстраивать типологические ряды моделей развития для регионов разных объемов и разных эпох. (Хорошим примером может служить монография А.П. Новосельцева, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)». М.: Наука, 1972. Таких примеров сравнительно-исторического анализа найдется немного во всей мировой историографии). Особое значение имеет этот метод для верификации исторических построений.

4. Иногда как особый метод выделяют историческое описание. Строго говоря, обобщающий исторический текст есть итоговое завершение всякого исторического исследования. Однако описание может быть различным: фактографическое прагматическое изложение исторической реальности; концептуальное, проблемное её истолкование; аксиологическое, ценностное изображение; или, наконец, те или иные комбинации этих видов. (Такие комбинации, нередко утрачивая полноту каждого отдельного вида, не дают взамен никаких преимуществ – получается эклектическое смещение жанров. Внимание читателя, переключившаяся с одного подхода на другой, с другого на третий и опять на первый и т.п., рассеивается, общая картина теряется. (Впрочем, иногда это входит в скрытый, внеученый замысел автора). Поэтому существуют определенные правила построения исторических описаний, которые можно правомерно рассматривать как специфический метод деятельности историка-исследователя.

Основным, базовым типом исторического описания следует считать, по возможности исчерпывающее всю наличную ко времени создания текста систему выверенных существенных фактов и эмпирических, зафиксированных источниками, связей между ними, синтезирующее прагматическое описание исторической реальности. Разного рода интерпретации и оценки допускаются в таком описании лишь в той мере, в какой этого требует установление и верификация собственно самих существенных фактов. Предположения-гипотезы допускаются лишь постольку, поскольку это необходимо для целостности исторического контекста, причем обязательно приводятся все достаточно мотивированные источниками научнокорректные гипотезы и ни одной из них не отдается заведомого предпочтения. Научно-фантастические допущения исключаются. Строго говоря, только такие тексты и составляют историописание – историографию в прямом, узком смысле слова. Классическими образцами таких описаний являются, например, тексты Л. Ранке и С.М. Соловьева. Только та историография, которая располагает такими описаниями национальной истории с древнейших времен, достигает подлинной зрелости и может на этой базе создавать целостную картину исторической реальности, а не её разрозненные фрагменты.

Разумеется, авторы прагматических описаний придерживаются определенных широких концепций – парадигм, вне которых принципиально невозможно ни произвести отбор исторических фактов, выделение фактов исторически-существенных из всей бесконечности свидетельств о прошлом, ни вообще построить связный текст. Свое понимание этой парадигмы историк излагает в предисловии к работе, или в частных теоретических отступлениях. А в самом тексте она как бы остается за кадром, порождая полную иллюзию, что нам рассказывается только о том «*wie es eigentlich gewesen*» – «как это было на самом деле» (Л. Ранке). Опираясь на такие прагматические тексты, разрабатываются те или иные частные сюжеты и создаются концептуально-проблемные и аксиологические, ценностные изложения. Обычно эти аспекты тесно переплетаются, большинство концепций изначально содержат в себе оценочный момент. Описательные исторические тексты чисто оценочного, морализующего характера обычно выходят за рамки собственно науки и относятся уже к исторической публицистике или к историческому жанру художественной литературы. Глав-

ное в этих описаниях именно интерпретации, а фактический материал привлекается в виде иллюстраций, или читатель прямо отсылается к наличным прагматическим описаниям. Проблемные изложения непосредственно пересекаются с проблематикой философии истории. Классическими образцами таких текстов могут служить тексты В.О. Ключевского или Марка Блока.

Все типы описаний имеют право на существование, необходимы для развития исторического познания. И все же не забудем – база исторического познания это прежде всего прагматические, фактографические синтезирующие описания. Конечно, по мере развития науки меняются углы зрения на прошлое. Факты, которые не считали существенными великие историки-классики, начинают восприниматься как таковые. Описания, представившиеся еще не так давно исчерпывающими, начинают восприниматься как неполные, и вызывает необходимость в новых фундаментальных описаниях. Однако историки масштаба Ранке или Соловьева рождаются не часто, а авторский коллектив не может заменить одного гения. Как говорят на Востоке, миллион мышей не может заменить одного слона. Не случайно в научном фольклоре окрестили коллективные издания братскими могилами творческих идей. Оно и понятно, целостная картина требует и целостного неординарного взгляда на мир, а никакой редактор не сведет воедино мировоззренческий разнобой и чисто человеческое разнообразие десятка (а то и более) авторов. Отсюда и практический вывод: создавая свое описание, историк должен сознательно отдавать себе отчет – какого вида текст он намеревается создать и соответствующим образом организовать материал.

Иногда в качестве методов исторического познания преподносятся конкретные технические приемы исследования разных видов источников: разные приемы статистической обработки, использование тематических карт (в том числе моделируемых в виде программ для ЭВМ), сводных таблиц и т.д. Все это предмет ведения вспомогательных исторических дисциплин и к собственно методологии исторического познания имеет отношение косвенное. Ибо полученные с помощью этих приемов вторичные факты есть лишь сырой материал для методологии. И без методологических научнокорректных методов это сырьё может быть использовано не для установления истины, а наоборот, для её искажения и фальсификации. Всегда есть возможность представлять нетипичные, случайные, несущественные в данном отношении (хотя и реально существовавшие) факты в качестве якобы определяющих и существенных, и, наоборот, существенных в качестве несущественных. И предохранить от этого может только строгое следование выверенным методологией исторического познания и рассмотренным нами выше правилам.

В заключение темы надо сказать несколько слов о специфике исторических закономерностей, выявляемых в ходе концептуального осмысления исторического процесса. Историк имеет дело с вероятностной социальной реальностью, несравненно менее определенной, менее жестко детерминированной, чем, скажем, физическая реальность, или даже реальность живой природы (это так называемая слабая версия науки). Социальные закономерности, во-первых, носят статистический характер, т.е. проявляются по закону больших чисел через дос-

таточное число случайных, отклоняющихся явлений. Во-вторых, поскольку все исторические события проявляются через действия людей, они всегда осложняются субъективным началом, уникальными личностными свойствами участников исторического процесса, и особенно руководителей-лидеров, принимающих социальнозначимые решения. Очень часто мы видим, как благоприятные объективные возможности не реализуются из-за отсутствия авторитетных дееспособных лидеров, и наоборот, как подобные лидеры много достигают даже вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Отсюда огромное значение роли личности в истории, недооценивать которую нельзя ни в коем случае. Далее, в-третьих, нельзя упускать из виду, что исторический процесс, вследствие всего вышесказанного, носит многовекторный, альтернативный характер. С точки зрения науки нельзя воспринимать историю телеологически – дескать, случилось то, что только и могло случиться. История не знает сослагательного наклонения. Но сослагательного наклонения не имеет только прагматическое историописание, историописание концептуальное должно учитывать все действовавшие и боровшиеся между собой тенденции, памятуя, что иногда лишь чисто случайные, непредсказуемые обстоятельства, склоняли чашу весов на сторону одной из равновероятных тенденций. Но побежденная тенденция нередко продолжает действовать скрыто и при изменившихся обстоятельствах может вырваться наружу и даже восторжествовать. Не говоря уже о том, что история слишком часто прокладывает себе путь отнюдь не в самом, казалось бы, вероятном, предвиденном направлении. Историк постоянно сталкивается с иррациональными и даже провиденциальными проявлениями в историческом процессе, рациональному объяснению не поддающимися... Но рассуждения об этом уже выходят за пределы собственно науки.

В осмыслении исторических закономерностей важное значение имеет понятие критической массы, когда через накопление некоторых количественных показателей срабатывает, начинает действовать, определенная связь между разными общественными подсистемами. Например, мы знаем, что уровень производства некоего продукта находится в связи с уровнем цен на него на рынке и размирами налогообложения производителей. Падение цен и рост налогов ведет к падению производства. Однако одно может компенсироваться другим – падение цен снижением налогов и т.д. Или что бесконтрольный рост денежной массы приводит к инфляции, обесценению денежной единицы и росту цен. Или что падение жизненного уровня населения, усиление разного рода притеснений ведет к социальным взрывам, массовым акциям протеста и т.д. Однако все эти следствия наступают не сразу, а через определенное время, в течение которого происходит накопление критической массы. Причем, эта масса может варьировать в довольно широких пределах, в зависимости от совокупности конкретных обстоятельств. Поучителен в этом отношении один эпизод российской экономической истории 2-й пол. XVII ст., который стоит привести в качестве иллюстрации к сказанному.

В разгар русско-польской войны за западнорусские земли московское правительство, с целью покрытия военных расходов, ввело в обращение медные деньги по цене серебряных и стало изымать серебро в казну. Вначале это дало эффект – население безропотно принимало новые деньги и казна собрала зна-

чительную сумму. Однако, в дальнейшем, это привело к обесценению медных денег, расстройству всей системы денежного обращения и, наконец, к «медному бунту» 1662 г., вынудившему правительство отказаться от продолжения эксперимента. Больше всего от этого пострадали, конечно, простые люди, в меньшей степени казна, которой пришлось затем расхлебывать всю эту кашу – все же в критический момент ей удалось вырвать у населения фактически беспроцентную ссуду. С чистой прибылью остались только неразоблаченные фальшивомонетчики, преимущественно из царского окружения.

Итак, какова была здесь критическая масса? Как сработала эта историческая ситуация? Ответы на эти вопросы будут ответом и на более широкий вопрос: что объективно представляла собой российская экономика сер. – 2-й пол. XVII в. И такой подход будет весьма содействовать научнокорректной организации исследования по этой важной проблеме, поможет устранить спекуляцию отдельными, вырванными из научного исторического контекста фактами.

И тут мы должны обратиться к проблеме верификации исторического знания – проблеме проверки его на истинность, на соответствие объективно существовавшей исторической реальности.

IV. ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Верификация полученных результатов исторического исследования есть заключительный этап процесса познания исторической истины. Ибо исследователь несет персональную ответственность перед ученым сообществом и широкой общественностью за свои утверждения, они должны быть максимально доказательными, насколько это допускает современное исследователю состояние исторической науки. В чем же должен заключаться процесс верификации, процесс проверки на научную объективность, корректность созданного историком текста?

Прежде всего, еще раз должна быть тщательно выверена пространственно-временная матрица текста, место и время упоминаемых событий. Чтобы не допускать произвольного тождества разновременных и разноместных событий. Во-вторых, установить системные критерии статистически-репрезентативных показателей в каждый период времени и в каждом регионе. Например, характеризуя, скажем, систему крепостного права в том или ином регионе Белоруссии в то или иное время следует устанавливать типичные, характерные для этого региона в это время показатели, а не пользоваться частными, нередко уникально-единичными примерами. Ибо всегда можно встретить примеры нетипичного, отклоняющегося в ту или иную сторону поведения, которые не могут характеризовать ситуацию в целом. Среди помещиков изредка встречались и гуманные благодетели, и, пожалуй, почаще лютые изуверы-мучители. Однако эти исключения не характеризовали всю социальную группу крепостников в целом. Цель же историка-исследователя – прежде всего установить объективную типичную картину крепостной эксплуатации и уровня жизни подневольного населения. Или, скажем, при исследовании документов правового, регламентирующего характера, никогда нельзя ограничиваться их декларативным содержанием, обязательно следует проанализировать практику их применения, ибо слишком многое в таких документах лишь провозглашалось, но не осуще-

ствлялось на самом деле. Как, например, многочисленные привилегии, якобы уравнивавшие в правах католиков и православных в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой – практически они не исполнялись и дискриминация православных никогда в этих государствах не прекращалась. (Характерный штрих: сама многочисленность этих документов, торжественно провозглашавших равноправие, всякий раз «отныне», доказывает их недееспособность). Другой вопрос, искренни ли были намерения издававших эти акты властей, которые или оказывались в данной ситуации просто не в силах исполнить собственные предписания, или лукавили изначально, не предназначали их для практического применения, сводили острый вопрос к успокоительным декларациям (подобно «Сталинской Конституции», в иную, более близкую к нам, эпоху...). Эти вопросы подлежат специальному выяснению в каждом конкретном случае.

В-третьих, необходимо установить системное взаимодействие основных параметров общества (социально-экономических, политических, этнокультурных, ментальных) в определенных пространственно-временных рамках, и на этой основе характер включения этой системы в более широкую суперсистему, частью которой она является. Следует помнить, что один и тот же процесс в разных, составляющих суперсистему, регионах, может давать неодинаковый, нередко противоположный результат. Так развитие рыночных отношений в европейской суперсистеме привело к ликвидации личной зависимости производителей на Западе континента и ко «второму изданию крепостничества» на Востоке. Развитие сословно-представительных учреждений в западных странах и в России вело к государственной централизации, а в Речи Посполитой – к феодальной анархии. Процесс становления сильных централизованных монархий на Западе, и в Австрии и России на Востоке привел к закреплению и консервации политической раздробленности в Италии и Германии и той феодальной «вольницы» в Польше и т.д. Поэтому эти взаимодействия надо всесторонне мотивировать, а не просто судить по аналогии с другими регионами, где ситуация может быть совсем иной.

В-четвертых, надлежит мотивировать принятую историками парадигму, угол зрения. Очень часто фальсификация реального исторического процесса начинается с того, что за бесспорные исходные положения выдается как раз то, что в принципе не бесспорно, что как раз и подлежит доказательству в первую очередь. Таковы, например, исходные положения различных идеологических трактовок истории, псевдомарксистских, националистических и т.п.

Необходимо, далее, различать взгляд изнутри и взгляд извне. Т.е., с одной стороны, взгляд с точки зрения той или иной социальной, конфессиональной или этнокультурной группы, составлявших данное общество, и, с другой стороны, взгляд официальных властей преобладающих. При этом следует учитывать, что конфессиональные и этнокультурные группы часто фактически совпадали, особенно в зонах цивилизованных разломов. Так, в Белоруссии XV – XIX вв. понятия «русский» и «православный», «поляк» и «католик», практически совпадали и пережитки такого восприятия в народной среде сохраняются до сих пор. И никакие субъективные пристрастия и убеждения тех или иных деятелей не могут отменить этого факта. Взгляд извне может пониматься и как взгляд со стороны, с точки зрения иной страны (как её официальных властей, так и

отдельных, действующих в этой стране сил), или тех или иных международных организаций, а может пониматься и как объективный взгляд стремящейся к истине науки. Именно такой взгляд и должен быть ведущим. Все остальные взгляды следует рассматривать лишь как материалы для научного анализа. Насколько это важно можно показать на нескольких примерах из истории Белоруссии. Попробуем наметить подходы к верификации определенных трактовок следующих, достаточно спорных вопросов: частью какой этнокультурной системы были во времена Речи Посполитой:

- 1) еврейские местечки Белоруссии,
- 2) помещичьи усадьбы Белоруссии, наконец,
- 3) Шляхетские застенки?

Подчеркнем, в данном случае речь идет именно об этнокультурных системах, в условиях Речи Посполитой неразрывно связанных с системами конфессиональными. Будем помнить – единственной полноправной, государственной конфессией в этой стране признавалась только католическая, остальные лишь терпелись, и то на словах, а реально беспощадно дискриминировались. (Мы не будем здесь касаться ни социально-экономической системы польского государства, куда все названные объекты бесспорно входили, ни системы политической, которая на усадьбу и застенки непосредственно опиралась – все это предмет других специальных исследований).

Итак, во-первых, еврейское местечко. В националистической историографии отношение к этому объекту стараются особо не акцентировать, а диапазон мнений очень широк: одни его просто игнорируют как нечто совершенно чужеродное, другие трактуют как фактор в культурном отношении антибелорусский, третьи пытаются включить его в белорусскую культурную систему как её специфическую часть (даже иудаистские богословско-философские сочинения на древнееврейском и идиш пытались относить к «белорусской общественной мысли»).

В действительности же, если мы всесторонне проанализируем этот сюжет, то убедимся, что местечко жило чрезвычайно замкнутой, изолированной от окружающего населения культурной жизнью. Раскроем хотя бы сочинения Шолом-Алейхема (Рабиновича), всемирно признанного великого еврейского писателя, писавшего на идиш (трансформированном немецком диалекте с примесью древнееврейской и славянской лексики, которым пользовалось еврейское население Восточной Европы), и мы убедимся, сколь велика была культурная изоляция еврейского местечка даже в начале XX века, когда выходцы из этого местечка уже сложились в многочисленные группы в составе буржуазии и интеллигенции России и Польши. Что уж говорить о временах более ранних. С другой стороны, все еврейские местечки на территории собственно Польши, Литвы, Белоруссии и Украины были очень однородны культурно и поддерживали достаточно тесные связи между собой. Видимо следует говорить о существовании единой еврейской этнокультурной системы на территории Речи Посполитой, внутренне весьма сплоченной, а внешне изолированной, слабо связанной с культурой окружающего христианского населения. И разрушение этой изоляции по разным причинам происходило до начала XX века очень медленно.

Куда более единодушна националистическая историография по отношению к помещичьей усадьбе и шляхетскому застенку – и то и другое безоговорочно включается ими в белорусскую этнокультурную систему. Однако, по сути, это утверждение никак не доказывается, берется априори, как нечто само собою разумеющееся. Единственная мотивировка, помимо локализации на этнической территории Белоруссии, – «этнические корни», происхождение предков этих людей. Но само по себе это ровно ничего не доказывает. Все группы европейского дворянства, чтившего родословные, весьма пестры по происхождению родоначальников, но это никак не влияет на их этнокультурную принадлежность. Родоначальником Пушкина по отцовской линии считается «выходец из прус», а по материнской – эфиоп. Родоначальниками двух других великих русских поэтов, Баратынского и Лермонтова были: у первого – поляк, у другого – шотландец. Но никому не придет в голову утверждать, что названные великие поэты – не русские. Примеры можно умножить. Несмотря на этнические корни, немцы не претендуют на Фонвизина, Дельвига и даже на Пестеля – сына немецкого уроженца, датчане на Владимира Даля, а французы – на Шопена, сына француза, но польского композитора. Это только белорусские националисты трактуют М. Огиньского, Т. Костюшку, А. Мицкевича, С. Монюшку и вообще польских магнатов Белоруссии и шляхтичей-католиков как белорусов, на том основании, что у них были далекие или недалекие восточнославянские («русские» по источникам) предки.

В действительности, этнокультурный облик любой группы людей или отдельной личности определяется только двумя факторами:

Во-первых, и прежде всего, их самоидентификацией. Подавляющее большинство белорусских помещиков и шляхты-католиков относилось к польскому этносу и польской культуре (как продолжают себя считать поляками и большинство их потомков, наших современников, даже объективно включенных в белорусскую культурную систему – решающим до сих пор оказывается профессиональный фактор).

Во-вторых, это реальная включенность в ту или иную этнокультурную систему. Все вышеуказанные польские деятели, имевшие белорусских предков, реально жили и работали именно в польской этнокультурной системе. А не только говорили и писали на польском языке, который применительно к ним пытаются трактовать как «тогдашний литературный язык Белоруссии». П.Я. Чаадаев чаще говорил по-французски, чем по-русски, и знаменитые свои «философические письма» также написал по-французски, но ему в голову не могло прийти называть себя французом (как и ни одному французскому исследователю называть его «французским философом»). По-французски предпочитал говорить и писать и яркий немецкий националист, «старый Фриц» – Фридрих II Великий. Французский в то время во всей образованной Европе – и в Польше в том числе – действительно был вторым (а для некоторых культурных деятелей, как видим, и первым) литературным языком. Но это франкоязычное творчество органически входило в национальные этнокультурные системы разных стран, в которых доминировали, тем не менее, национальные языки. Но Огиньский, Мицкевич или князь Радзивиллы не просто пользовались польским языком (французским тоже), они считали и называли себя поляками и деятелями именно польской куль-

туры и были ими. Польская помещичья усадьба в Белоруссии была частью польской этнокультурной системы и практически не отличалась от таковой в собственно Польше, Литве и на Украине (где православные малороссийские помещики четко дистанцировались от польских). Было именно так, по свидетельству всей совокупности наличных источников. А единичные исключения лишь подтверждают правило.

Сложнее со шляхетским застенком. Низы шляхты еще сохраняли к началу XX века белорусскую речь (в местных диалектных формах) и своеобразную местную бытовую культуру, родственную с культурой белорусского крестьянства, да и по своему социальному положению они были недалеко от крестьянства, хотя сословно и конфессионально отличались от него (православие сохранило ничтожное меньшинство шляхты). Однако самоидентификация их абсолютного большинства была уже польской. Эти люди считали себя поляками и активно стремились стать ими на деле. Они третируют все белорусское как «хамское», «мужицкое», культурно ориентируясь на польского пана. Очень поучительно в этом отношении лучшее произведение А. Мицкевича «Пан Талеуш», в котором действие происходит в среде западнобелорусской шляхты, безоговорочно относящей себя к польскому этносу. Поэма навеяна биографическими воспоминаниями поэта. Получив образование, даже в русском университете, шляхтичи окончательно, за немногими исключениями, уходили в польскую этнокультурную систему. В число этих исключений входит и та немногочисленная группа выходцев из шляхты, которые в конце XIX – нач. XX века осознали себя белорусами и основали первые белорусские национал-сепаратистские кружки. (Потомки этих шляхтичей составляют ядро и современных «фронтоников»). Нисколько не противоречит сказанному то известное обстоятельство, что в среде шляхты исторического Великого княжества, независимо от этнического происхождения её предков, существовал местный «краёвый», «литвинский» патриотизм. Даже польские землячества в русских университетах подразделялись на объединения «короняжей» – выходцев из бывших польских коронных земель, собственно Польши и Правобережной Украины, и «литвинов» – выходцев из бывшего Великого княжества, собственно Литвы, Латгалии и Белоруссии. Отношения между ними были не всегда равными, доходило и до враждебных стычек. Но это был чисто региональный, провинциальный патриотизм в рамках польской этнической самоидентификации (в оба объединения входила католическая шляхта разного происхождения). Хотя какая-то часть образованной шляхты и помнила о своем непольском происхождении, но, тем не менее, и эти люди обыкновенно в настоящем уже относили себя к польскому этносу: *gente rusus, natione Polonus*, как это формулировалось по-латыни (по происхождению русин, но по национальности же поляк).

Такими представляются ответы объективной науки на вышепоставленные вопросы, как бы они ни противоречили устремлениям и симпатиям мифологизаторов белорусской старины.

Итак, процесс верификации осуществляется на основе тех же философских принципов и конкретных методов, что и установление фактов и сведение их в систему, реконструирующую под определенным углом зрения, который определяется, в свою очередь задачами исследования, реальный объективный исто-

рический контекст. Это, в сущности, есть итоговая проверка созданного текста на научную объективность. Исследователь ретроспективно повторяет проделанный путь, еще раз удостовераясь, что полученные выводы действительно вытекают из построенной в ходе исследования системной целостности, исторического контекста, что эта системная целостность построена на объективно установленных фактах и объективных связях между ними, что эти факты и связи непротиворечиво вытекают из совокупности наличных источников и логически безупречных исследовательских процедур. И что, т.о., эти выводы могут быть определены как моменты объективной исторической истины, исследователь на этом этапе выступает как самый последовательный и придирчивый критик собственной работы, он сознательно выскивает и мотивирует все слабые места в ней, на которые может обратить внимание возможный инакомыслящий оппонент. На этой стадии исследователь широко апробирует свою работу в научном сообществе, сознательно добиваясь именно критически-мотивированных отзывов, чтобы или окончательно утвердиться в своих выводах, или скорректировать их при наличии убедительных, доказательных возражений. (Бездоказательную брань, явные передержки, апелляции к личности и т.д., неизбежные, когда затрагиваются «острые» вопросы, надо научиться игнорировать, по принципу – собаки лают, а караван идет...).

Завершает наш краткий курс последний, но очень важный в методологическом отношении сюжет о соотношении прошлого, настоящего (современности) и будущего.

V. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРОШЛОГО, СОВРЕМЕННОСТИ И БУДУЩЕГО

Эта проблема имеет прямое отношение к проблеме более широкой – социальной значимости исторического познания как такового. Часто приходится сталкиваться с мнением, что историческое знание не имеет практической, утилитарной ценности, что история ничему не учит, что, подобно искусству, она, в лучшем случае, имеет воспитательное значение, представляя набор примеров как нравственного, так и недостойного поведения, формирует любовь к отечеству и т.п., а в худшем – выступает как идеология, оправдание и обоснование корыстных интересов тех или иных общественных групп, властей предрержащих и самих историков, выступает как средство бессовестной манипуляции общественным мнением. Что история – *mädchen für alles* (нем. «девушка для всех»), и что каждое поколение и каждый политический режим переписывают её в своих интересах заново ...

Что ж. Определенный резон, как мы уже видели, в таких рассуждениях действительно есть. Прежде всего, всякое истинное творчество всегда бескорыстно, не утилитарно, заключает высшую награду творцу в самом себе, а поэтому несет в себе эстетический момент, а значит соприкасается с искусством, самой неутилитарной человеческой деятельностью. Из всех наук именно история ближе всего к искусству, доля эстетического в ней особенно значима. Недаром у древних история считалась именно искусством, и подобно другим искусствам имела свою музу – Клио. История несет в себе и оценочное, этическое начало, поскольку оно присуще самому человеку. И, действительно, история воспитывает и нравственность и патриотизм... Но история также в наибольшей степени подвержена идеологизации, фальсифицируется чаще других наук. И все выше-

приведенные обвинения относятся не к подлинной объективной исторической науке, а к её фальсифицированным, мифологизированным двойникам. А одной из важнейших задач методологии, как мы убедились, и есть отделение объективной исторической истины от псевдоистины, от заблуждений и фальсификаций. Ближе к истине и утверждение, что люди не учатся на опыте истории. Но на это исчерпывающе ответил ещё на рубеже XIX и XX веков великий историк В.О. Ключевский: цветы не виноваты, что слепой их не видит, а история, сама по себе, никого не учит, она лишь жестоко проучивает самоуверенных невежд, которые не желают ей учиться, она их больно сечет за нерадение. Ему вторил мудрый «железный канцлер» Бисмарк: одним из признаков по-настоящему умных людей, утверждал он, является то, что они предпочитают учиться прежде всего на чужих ошибках, а не на своих собственных. Все по-настоящему умные люди у истории учились, подобно самому Бисмарку, и это одна из причин их успехов. Только такие люди всегда и везде – увы! – не в избытке ... И каждому вольно стремиться к этой дефицитной группе или нет, учить историю или не учить. Сама историческая наука тут не причем, если мы ленивы и не любопытны, как некогда сказал еще великий человек – Пушкин.

Итак, история имеет все же и практический смысл, помогает эффективно управлять обществом, эффективно заниматься и экономической, и политической, и общественной деятельностью. И в этом отношении методология исторического познания призвана ответить, наряду с уже рассмотренными проблемами, и на следующий ряд актуальных вопросов:

- Где проходят разграничительные линии между прошлым, настоящим (современностью) и будущим? В чем их принципиальное отличие?
- В какой мере прошлое способно разъяснить нам настоящее?
- В какой мере прошлое и настоящее способны спрогнозировать, предвосхитить будущее?

Попробуем кратко охарактеризовать наиболее корректные научно, с нашей точки зрения, подходы к решению этих вопросов.

Первый вопрос – как разграничиваются понятия прошлого, настоящего и будущего? Существует представление, что прошлое непосредственно переходит в будущее, а настоящее – иллюзия, неуловимое мгновение перехода от одного к другому. «Есть только миг между прошлым и будущим...», – поется в популярной песне. Но историческое время не сводится к моменту перехода или физической константе, эталон которой хранят кварцевые часы в мировых метрологических центрах. Историческое время наполнено и многогранно, многослойно и турбулентно, оно неравномерно и сложно-ритмично. Всякий настоящий историк различает этот пульсирующий временной ритм, разный для разных эпох и для разных цивилизаций. Ритм этот движется в цепи человеческих поколений, всякий серьезный исторический сдвиг может восприниматься как изначальная данность только следующим, сформировавшимся в условиях его действия, поколением. Для поколения-свидетеля он, как правило, еще не представляется необратимым, даже если объективно он таковым и является. А окончательно закрепляется такой сдвиг только начиная с третьего поколения, после того как его свидетели сойдут с исторической арены. Три человеческих поколения это примерно век, около ста лет. Отсюда особое, почти сакральное восприятие человеческим сознанием этого временного отрезка – века. Известно особое социально-психологическое переживание конца века („fin de siecle“),

рубежа веков, усиление в эти периоды мистических настроений и тревожных ожиданий в обществе. Это связано и с принятым в европейской традиции летоисчислением – от Рождества Христова, пришествия в мир Спасителя (мы уже отмечали, что историческое сознание рождалось в рамках и в понятиях религиозных систем, с их представлениями о судьбах мира, его временной конечностью, эсхатологичностью).

Всякие особо значимые в истории события (в истории народов, цивилизаций, всего человечества) вследствие вышесказанного порождают историческое эхо с примерно вековым периодом. По истечении века после любого исторически значимого события возникают ожидания повторения чего-то подобного, а такие ожидания, установка на некие события, содействуют и реальному возникновению ситуаций в чем-то напоминающих ожидаемое. Фантомы иногда воплощаются! Этот эффект прослеживается (с небольшими временными отклонениями) в истории всех стран. И историческая наука не считается с этим.

Итак, возвращаясь к нашим вопросам, мы можем констатировать – прошлое это время свершившихся, законченных процессов, настоящее – совершающихся, как возникших при нашей жизни, так и продолжающихся. Поэтому мы одновременно живем и в настоящем и в прошлом, ибо некоторые процессы, начавшиеся еще при наших предках, остаются незавершенными и для нас, они в принципе те же, какими были для наших дедов, по отношению к ним мы и деды остаёмся современниками. Некоторые из этих процессов будут переданы нами незавершенными и нашим потомкам, как и многие, что только начнутся при нашей жизни. Это значит, что потомки будут стоять перед лицом этих процессов так же, как теперь стоим мы. Это значит, что, в этом отношении, мы живём одновременно не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Но время необратимо. И это значит, что влиять на прошлое, на уже свершившиеся процессы мы не можем, но мы можем влиять на свершающееся, значит можем влиять на настоящее и тот слой будущего, в котором будут продолжаться происходящие при нас процессы. При этом, нелишне отметить, процессы и деятели прошлого во многих отношениях сегодня нам понятны адекватнее, чем их современникам – историческая дистанция как бы очищает наше восприятие от конъюнктурной лжи и добросовестных заблуждений ушедших времен. Что, конечно, не освобождает историка от необходимости выяснения, как все это воспринималось самими современниками событий. Прошлое непосредственно объясняет нам настоящее прежде всего в той мере, в какой позволяет познать закономерности длящихся процессов, уходящих истоками в это прошлое. В известной мере, по аналогии с уже свершившимися процессами, оно позволяет нам постигать законности и возникновения типологически схожих с ними новых процессов, как в настоящем, так и в будущем.

Сказанным, в сущности, определяется и наша возможность прогнозировать будущее. Ибо прогнозировать будущее в рациональном смысле слова это, в первую очередь, значит экстраполировать в будущее развитие происходящих в настоящем процессов и явлений, в соответствии со вскрытыми нами закономерностями и возможностями их движения. (В какой-то степени, как мы отметили, и предвосхищать возникновение неких новых процессов, но только по аналогии с уже ранее в определенных обстоятельствах существовавшими. Именно так поступали писатели-фантасты – Жюль Верн, Владимир Одоевский,

Герберт Уэлс, Алексей Толстой и другие, сбывшиеся прогнозы которых иногда так удивляют. Но обратите внимание: сбылось только то, принципиальная возможность чего уже существовала при их жизни ... Примитивные подводные лодки уже погружались в воду, когда в фантазии Жюль Верна вырисовывался подводный плавающий дворец – «Наутилус». Принципиальное отличие будущего от настоящего – появление принципиально новых явлений, ныне не представимых, поэтому и непредсказуемых. Отдельные, частные такие явления могут быть угаданы случайно, но в комплексе их предвосхищение исключено. Здесь мы не касаемся иррациональных, мистических явлений в истории. Они случаются, но непостижимы научно, поэтому и за пределами науки, это вопросы веры. «Странные сближения», по словам Пушкина. Например, число ступеней, по которым сходил в подвал Ипатьевского дома с наследником на руках Николай II – 23, точно соответствовало числу лет его царствования. Династия, начавшаяся в Ипатьевском монастыре, закончилась в Ипатьевском доме и т.д.). Сама возможность экстраполяции известных явлений поэтому весьма ограничена, даже в самой предсказуемой технической области. Ибо возможности любой технической конструкции сами по себе ограничены, любая конструкция в конце концов исчерпывает себя, имеет предел совершенствования, а принципиально новые решения непредсказуемы. К тому же эти решения обычно появляются раньше, чем исчерпываются резервы существующих конструкций, и, вытесняя такие конструкции они пресекают их дальнейшее развитие. Так произошло, например, с паровыми машинами, вытесненными другими типами двигателей еще до исчерпания резервов и возможностей их совершенствования, с дирижаблями и т.д. Тем более это относится к куда более сложной социальной сфере... Во всяком случае сколько-нибудь долгосрочные социальные прогнозы еще не удавались никогда и никому. Более или менее удавалось спрогнозировать только то, что хотя бы в тенденции уже существовало в настоящем прогнозистов.

Таковы соотношения между понятиями прошлого, настоящего и будущего с точки зрения методологии истории. Помимо всего прочего, это значит, что вникая в исторический процесс, очень важно попытаться установить, на какой стадии развития находится данное явление, какова степень его зрелости, а значит и исторической исчерпанности. Надо учиться различать перспективное от бесперспективного, учитывать положение данного социального организма в определяющей для него системе, которая неумолимо диктует свои условия. Известно такое крылатое выражение – «поезд ушел». Это значит – то, что исчерпало себя в большой системе, не может быть повторимо частью этой системы, как бы субъективно кому бы то ни было этого не хотелось. Упущенные в свое время возможности не возвращаются, и каждая прошлая эпоха неповторима. Для всего свое время. Исторически безграмотные политики часто стремятся в безвозвратно ушедшее прошлое, но вынуждены в конце концов лишь искать виновников провала этих устремлений, безнадежных с самого начала. У истории все же надо учиться!

Особый, ещё недостаточно осмысленный вопрос, впервые серьезно поставленный выдающимся немецким мыслителем Карлом Ясперсом, это проблема больших ритмов, циклов истории, связывающих в единый процесс и прошлое, и настоящее, и будущее. Ясперс сформулировал понятие осевого времени. Он обратил внимание на то, что концептуальное, упорядоченное на основе опреде-

ленных принципов, целостное изложение бытия мира и человека, рождение всех великих религиозных и философских систем, определивших возникновение и развитие всех великих цивилизаций и культур, произошло во всей ойкумене в одном временном интервале – 8 – 3 вв. до н.э., который он обозначил как осевое время. Осевое время породило человеческое самосознание, человек выделил себя из остальной природы, и был дан грандиозный толчок движению культуры человеческого рода. Этот интервал, равный примерно пяти векам, программирует самое долговременное и глубинное историческое эхо.

Разумеется, этот сюжет скорее следовало бы отнести к собственно «чистой» философии, если бы не ощущалось – и очень болезненно, – что последний подобный цикл, заданный европейским Ренессансом, истекает именно в наше время и совпадает с великим цивилизационным кризисом, потрясающим мир, что подтверждает интуицию Ясперса. А это значит, что в наше время завершаются многие длительные исторические процессы и рождаются новые – мы на пороге очередного ещё неизвестного цикла. В осмыслении всего этого огромную роль играет тщательность, добросовестность, объективность исследователей, их предельно возможная независимость от стереотипов прошлого. Т.е. роль методологической подготовки особенно возрастает – этого требует само время.

И, наконец, самое последнее замечание. В разного рода коллективных пособиях по методологии истории, не принадлежащих перу одного автора, и поэтому лишенных концептуальной ценности, наблюдается разное в понимании таких понятий как «метод», «принцип», «подход» и т.д. Нередко смешиваются понятия методологического подхода и разных аспектов самого исторического исследования как такового. Начинается более пристальное изучение под разными углами зрения, скажем, социальной психологии, и вот уже фигурирует «социально-психологический» или «психоисторический» подход к истории, а то и «социально-психологический» или «психоисторический» метод изучения истории. То же происходит и с изучением ментальностей, гендерными (взаимотношение полов) исследованиями и т.д. Новый предмет изучения тут же оборачивается «новым подходом», а то и «новым методом». Связано это с претензиями разных «новых школ», чаще всего не историков, а обратившихся к истории естественников, на будто бы определяющее (детерминирующее) влияние их объектов изучения на весь исторический процесс. Конечно. Всякий новый угол зрения на общество небезынтересен, содержит в себе, обычно, определенное рациональное зерно, обогащает наше понимание истории. Ни о каких «запретительных» требованиях не может быть и речи. Но утверждения, например, многих представителей так называемой американской школы психоистории, что внутриутробные (фетальные) впечатления, которые фиксирует формирующийся мозг эмбриона в утробе матери, чуть ли не программируют социальное поведение будущего человека, а следовательно и детерминируют весь исторический процесс, воспринимаются как анекдотические и в самих США. Сам факт существования фетальных впечатлений можно считать научно доказанным, но влияние их не только на исторический процесс, но даже на психику отдельного человека (кроме, может быть, единичных патологических случаев, вроде родовых травм), на фоне иных, несравнимо более мощных факторов, практически чрезвычайно трудноразлично. Так, севшая вам на рюкзак муха безусловно утяжелит его, только вряд ли вы это заметите за пределами лаборатории со сверхчувствительным оборудованием, способным взвесить муху... Во всяком

случае, подобные исследования имеют для историографии сугубо вспомогательный характер. Кстати, и ведутся такие исследования с помощью обычных для психологии технических методов.

Серьезная французская «школа анналов», разработавшая весьма актуальное ныне понятие менталитета и получившая признание во всем мире, вовсе не претендует на обладание каким-то особым методом. Ученые этой школы специально подчеркивают, что при изучении ментальностей, как особого объекта исследования, они пользуются, как и все историки, общепринятыми научными методами, и что они вовсе не рассматривают свои исследования как некий универсальный ключ ко всей истории. Это подход серьезных профессионалов, а не математиков, биологов, психологов и т.д., берущихся, ничтоже сумняшеся, перевернуть историческую науку. История помнит все – такое бывало уже не раз, и ничего не перевернуло...

Вообще-то, нет на свете такой науки, отдельными выводами которой не мог бы воспользоваться историк, – от астрономии до генетики. Факты, добываемые разными науками с помощью присущих им исследовательских процедур, могут серьезно пополнять источниковую базу истории, обогащать те или иные историковедческие методики. Но по отношению к историографии все эти науки выступают именно в качестве вспомогательных, саму историческую науку, включая историческую методологию, они заменить не могут. И самоуверенные притязания непрофессионалов на общесторические выводы практически всегда оказываются несостоятельными. Это старая болезнь – естественники, те же психологи, издают неголующие вопли при малейшем вторжении в их сферу непрофессионалов (и в большинстве случаев справедливо издают), но сами считают возможным бесцеремонно вторгаться в область гуманитарных наук, скажем, той же истории. Им представляется, что для того, чтобы разбираться в них, достаточно простого умения читать на родном языке. А если к тому же еще на каком-то иностранном, то пределам их самоуверенности просто нет границ. Воистину, нет ничего ограниченного ученой ограниченности...

Итак, мы должны четко отделять тот или иной предмет исследования от методов исследования. Последние умножаются куда реже первых, ибо число объектов исторического исследования потенциально бесконечно, а исследовательских методов ограничено достигнутым уровнем методологии, они вырабатываются, шлифуются поколениями исследователей. И умножение терминов не означает умножения самих понятий (и «внутриутробный», и «эмбриональный», и «фетальный» в сущности означает одно и то же).

В данном кратком пособии мы постарались ограничиться только собственно историческими философскими принципами и методами.

Интересующихся конкретными, частными источниковедческими приемами мы отсылаем к руководствам по соответствующим вспомогательным дисциплинам. «Никто не обнимет необъятного», – изрек глубокомысленный Козьма Прутков. И он был прав.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М., 1984.
2. Он же: Эпохи и стили. Становление историзма. – М., 1987.
3. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
4. Он же: Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанс. 2-е изд. – М., 1990.
5. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. – М., 1986.
6. Гулыга А.В. Эстетика истории. – М., 1974.
7. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993.
8. Дербов Л.А. Введение в изучение истории. – М., 1981.
9. Ерафеев Н.А. Что такое история. – М., 1976.
10. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980.
11. Иванов В.В. Методология исторической науки. – М., 1985.
12. Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методические проблемы исторического познания. – М., 1981.
13. Историческая наука: вопросы методологии. – М., 1986.
14. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. – М., 1969.
15. История и психология. – М., 1971.
16. Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках. Философско-методологические проблемы. – М., 1986.
17. Ключевский В.О. Методология русской истории. Соч. в 9 т. – М., 1989. – Т. 6
18. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987.
19. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
20. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991.
21. Лотман ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин, 1992.
22. Методологические проблемы исторической науки: Сб. ст. – Мн., 1993.
23. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. – Томск, 1978.
24. Он же. Введение в методологию истории. – М., 1989.
25. Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. – Киев, 1971.
26. Проблема методологии науки и научного творчества. – Л., 1977.
27. Ракитов А.И. Историческое познание. – М., 1982.
28. Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. – М., 1977.
29. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. // Исторические записки. – № 1(119). – М., 1995.
30. Философия и методология истории. М., 1977.
31. Философские проблемы исторической науки. – М., 1969.
32. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М., 1988.
33. Ясперс К. Смысл и значение истории. – М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
Глава I. Методология исторического познания как специальная научная дисциплина	3
1. Понятийный аппарат методологии исторического познания, методология и философия.	3
2. Методология исторического познания и религия.	6
3. Методология истории и идеология.	7
Глава II. Проблема исторического факта	11
1. Своеобразие исторического факта.	11
2. Современное понимание исторического факта. Понятие исторического контекста.	14
Глава III. Основные философские принципы и конкретные методы исторического познания	16
1. Основные принципы исторического познания.	16
2. Конкретные методы исторического познания.	20
Глава IV. Проблема верификации исторического знания	25
Глава V. Вместо заключения. Проблема соотношения прошлого, современности и будущего	30
Основная литература	36

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кушешова